

— Ха-ха-ха, господин, я не знаю, почему маленький господин исчез. — Ван Цинь хотела подняться, но, почувствовав слабость, просто осталась стоять на коленях.

Олек явно не верил, что она ни о чем не знает. Он и раньше недолго любил эту управляющую, которая вечно мешала им с женой проводить время. Если бы не тот факт, что ее буквально навязал ему Великий старейшина, он выставил бы ее вон еще после первого же инцидента.

И если бы не связи с Великим старейшиной, она бы уже давно не жила на этом свете.

Ах, маленький господин, его маленький принц... Глядя на спящего в его объятиях Жоана, Олек мог лишь представить, какую боль тот перенес.

В истории семьи Детрис упоминалось проклятие. Как же нелепо, что его наложил самый первый глава рода Детрис, заставив своих потомков и их близких проходить через то, чего никогда не должно было случиться.

Об этом проклятии он читал лишь в семейных летописях: первый глава рода, лишившийся любимой женщины после того, как она родила ему наследника, поддался гневу и принял безумное решение.

Каждый мальчик из главной ветви семьи, рожденный в родовом поместье, должен был пережить три великих бедствия. Проклятие теряло силу, когда ребенок достигал совершеннолетия, но время и место этих напастей были непредсказуемы. Из-за того, что проклятие существовало слишком долго, не сохранилось никаких записей о способах его снятия.

До сих пор никто в семье не нашел выхода, и проклятие продолжало действовать.

Неизвестно почему, но оно касалось только мальчиков из прямой линии, девочки оставались в стороне. Прошли века, предки перерыли тысячи книг, даже пытались переложить проклятие на другого человека, но, как и следовало ожидать, ничего не изменилось.

Управляющая, стоявшая на коленях, увидела выражение боли на лице Олека и разразилась смехом:

— Мой господин, вы так глупы в делах сердечных. Я оставила столько зацепок, так явно вела себя перед вами... Я проклиная вас, вы никогда не найдете своего ребенка.

Олек не понимал, почему эта женщина вела себя столь безумно, да и не хотел понимать. Он безучастно смотрел, как эта восточная женщина, проработавшая в особняке десять лет, бросилась в море огня. У него, конечно, была возможность остановить ее, но он не стал. Он просто смотрел, как ее тело превращается в пепел.

Затем он повернулся к служанкам:

— Барышни, не соблаговолит ли кто-нибудь из вас объяснить, куда унесли моего маленького принца?

Служанки сжались в кучку и попытались отступить, но путь им преградило пламя. Они поняли: хозяин действительно готов убить их всех.

Когда терпение Олека было на исходе, вперед вышла служанка с веснушками на лице:

— Я... я видела другую служанку... ну, кажется, это была служанка. Она была в нашей форме и вышла из комнаты, держа на руках маленького господина. Я тогда подумала... подумала, что она несет его кормить, и не придавала этому значения.

Голос девушки дрожал, она едва могла говорить, чувствуя, что ходит по краю могилы.

Глаза Олека потемнели еще сильнее. В этот момент другая служанка подняла голову, что-то поискала у себя на поясе и наконец достала из кармана письмо.

— Господин, та служанка вроде бы жила в одной комнате со мной. Она ушла, а когда я вернулась из ванной, увидела на столе это письмо. — Служанка попыталась передать послание Олеку.

Перед ней внезапно вспыхнуло пламя, словно рычащий зверь. Олек слегка приподнял бровь, и огонь вокруг, точно покорный питомец, притих.

— Ничего, прочти вслух, — Олек осторожно погладил Жоана по щеке. Девушке пришлось стараться сохранять спокойствие.

— Дорогой господин Олек, доброе утро. Когда вы прочтете это письмо, вы, должно быть, очень разгневаны. Думаю, сейчас вы просто кипите от ярости. Но у меня есть новость, которая успокоит вас и не разочарует. Разве вы не хотите узнать, кто не желает, чтобы ваш ребенок оставался в семье?

Не успела она закончить, как пламя вокруг служанок взметнулось в несколько раз выше.

— С каких пор охрана в родовом поместье стала такой никчемной? Вы что, только и умеете, что зря есть хлеб? — этот вопрос, полный невыносимого давления, не давал служанкам даже вздохнуть.

Олек окинул взглядом каждую из них и среди дрожащей толпы заметил кое-кого подозрительного.

Она опустила голову, пытаясь скрыть лицо, но ее глаза беспокойно бегали по сторонам, будто она боялась, что кто-то что-то заметит. В ее поношенной одежде явно что-то было спрятано.

Пламя, словно почувствовав намерение хозяина, подобралось ближе.

— Продолжай, — сказал Олек служанке, немного остыв.

— Вы можете считать меня предателем, но я клянусь, что эта информация правдива. Одна неизвестная организация нацелилась на семью Детрис. Вы не ослышались, на весь род. Они хотят, чтобы вашего ребенка не стало в этом мире. Хотя я знаю, что у вас достаточно сил защитить маленького господина, прошу прощения за дерзость, но он не может оставаться рядом с вами.

На этом содержание письма закончилось. Служанки почувствовали, как огонь вокруг постепенно угасает, пока не исчез вовсе. Внезапно одна из них резко вскочила и, выхватив волшебную палочку, ударила в сторону Олека.

— Авада Кедавра!

Вспыхнул зеленый свет, но когда он рассеялся, на месте, где стоял Олек, никого не оказалось, а вокруг Жоана возник прозрачный защитный барьер.

Служанка в панике попыталась сбежать, но из ее одежды выпал черный ларец с гравировкой летящей птицы.

— Экспеллиармус! — палочка вылетела из рук служанки.

— Коллопортус! — без всяких сомнений, она была скована и подвешена вверх ногами в воздухе.

Олек медленно подошел к висящей в воздухе женщине, направив на нее палочку. Казалось, еще мгновение — и он разорвет ее на куски.

— Эта... госпожа, похоже, вы все еще не осознаете своего положения. Вы правда думаете, что сможете выйти из этого особняка живой?

— Ха, я и не собиралась выживать. Моей целью с самого начала был ребенок, рожденный вашей женой, — ее слова прозвучали как шепот демона.

— Вижу, вы не боитесь смерти. Хорошо, — Олек, не колеблясь, взмахнул палочкой. На теле женщины начали появляться и исчезать кровавые полосы, повторяя этот цикл снова и снова.

Алая кровь сочилась из ран. Кап-кап — капли падали на пол.